

К ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСАМ ФОНОЛОГИИ

ОТКЛИКИ НА СТАТЬЮ С. К. ШАУМЯНА «ПРОБЛЕМА ФОНЕМЫ»*

Редакция настоящего журнала получила несколько статей, являющихся откликом на статью С. К. Шаумяна «Проблема фонемы» и связанные с этой статьей вопросы. Часть из этих статей была уже опубликована в предыдущих выпусках журнала. Печатаť без сокращения все полученные материалы не позволяет объем журнала, и редакция дает их в извлечениях.

Ниже публикуемый текст содержит соображения Э. А. Макаева и Н. А. Слюсаревой (Москва), Gottfried Kircher (Галле), И. А. Дукницкого (Ленинград), Т. А. Бертагаева (Москва) и М. В. Панова (Москва).

В этих откликах дискутируются вопросы знаковости фонемы, отношений между фонетикой и фонологией, между фонемами и морфемами; авторы критикуют «смешанные» фонемы С. К. Шаумяна, а также почти каждый из них предлагает свои определения фонемы и звукового типа.

* * *

Э. А. Макаев и Н. А. Слюсарева пишут о связи фонетики и фонологии и ставят вопрос о знаковости фонемы:

Можно приветствовать, что редакция «Известий Академии наук СССР, Отделение литературы и языка» подняла дискуссию по одному из интереснейших разделов современного языкознания. Остается пожелать, чтобы дискуссия, начатая в печати, явилась подготовительным этапом для обсуждения наиболее актуальных проблем в каком-нибудь из языковедческих учреждений.

До последнего времени мы наивно полагали, что после известного высказывания акад. Л. В. Щербы о неразрывной связи фонетики и фонологии среди советских языковедов существует единодушие по этому поводу. Однако статья т. Шаумяна открыла нам глаза на другое. Под флагом безоговорочного признания связи фонетики и фонологии т. Шаумян на деле пропагандирует их отрыв.

Фонетика является одним из основных разделов языкознания, а фонология составляет ее часть, изучающую возможности звуков языка способствовать выражению смысла слов и грамматических форм.

Определение предмета исследования отнюдь не означает отрыв фонологии от фонетики, а, наоборот, подчеркивает их взаимосвязь и взаимообусловленность. При всей специфике каждой из них они неразрывно связаны и определяют подход к изучению явления с различных сторон. Мы изучаем общее через изучение частного, так как общее существует лишь в отдельном и через отдельное.

Трудность разрешения проблем, связанных с изучением звукового состава, усугубляется также тем обстоятельством, что противоречивые решения в вопросах фонологии мы находим не только в разных научных направлениях с разной методологической основой, но и в пределах каж-

* См. «Изв. АН СССР Отд. лит-ры и языка», 1952, вып. 4, 5, 6 и 1953, вып. 1.

дого из направлений. Это сказывается и в советском языкознании, где по вопросу о фонологии идет долгий спор, не давший пока ощутимых результатов.

Мнения расходятся коренным образом прежде всего в отношении самого определения фонемы.

Как было сказано, т. Шаумян поставил перед собой большую и трудную задачу, но, к сожалению, с ней не справился. Помимо недостатков статьи, которые были подвергнуты резкой критике в выступлениях Р. И. Аванесова, А. А. Реформатского и А. Г. Спиркина¹, затронем еще некоторые вопросы.

Однако прежде чем перейти к этому, мы считаем своим долгом сказать, что с большинством критических замечаний мы вполне согласны.

Особенно это относится к методологической основе статьи т. Шаумяна, метафизической и идеалистической от начала до конца.

Центральным пунктом статьи является понятие фонемы.

Помимо признания фонемы звуковой единицей, т. Шаумян выдвигает положение о знаковой природе фонемы. Он об этом так и говорит: «Фонема есть звуковая единица, служащая знаком для различения слов и в силу своей знаковой природы характеризующаяся определенной совокупностью дифференциальных признаков и специфическими функциональными границами» (стр. 331).

Можем ли мы признать знаковой характер фонемы? Мы думаем, что не можем. Не можем в силу того, что каждый знак, с точки зрения марксистской философии, должен иметь реальный объект обозначения. Не существуют знаки сами по себе, а они связаны с обозначаемым ими. Каждый знак имеет внутреннее содержание, которое определяет необходимость существования знака. Взятый сам по себе, каждый знак становится выразителем, внешней формой существования его внутреннего содержания.

Слово, например, по своему звуковому составу являясь знаком для обозначения предмета или явления, отраженного в понятии, имеет внутреннее содержание, смысл, взятое отдельно. Можно привести более элементарный пример: красный цвет как знак предупреждения опасности выступает как таковой независимо от того, будет это сигнал светофора или красный платок. В этом случае также знак выступает как выразитель внутреннего содержания. Фонемы же, взятые сами по себе, внутреннего содержания не имеют; кроме, конечно, тех случаев, когда звуки выступают в качестве отдельных слов.

По Шаумяну, фонемы являются знаками для различения слов (заметим, кстати, что т. Шаумян отбрасывает способность фонемы различать грамматические формы слов). Фонемы не являются знаками для различения слов, так как слова различаются прежде всего тем, что соотносятся с разными явлениями, предметами и т. п. окружающего нас мира, а не тем, что в них используются разные звуки. Если мы в слове, обозначающем «стол», заменим гласный, получим слово *стул* и начнем применять его к «столу», то получится расстройство коммуникации, о которой остроумно писал проф. А. С. Чикобава². Изменение звука даст нам другое слово, которое мы не сможем применять, не изменив объект, обозначаемый этим словом. Короче, не фонемы являются знаками для различения слов, а сами слова по своему звуковому составу являются знаками, обозначающими предметы, действия, качества и т. п.

Если бы фонемы являлись знаками для различения слов, то не было бы в языке слов-омонимов, так как возможности речевого аппарата человека очень велики, и абсолютно разные понятия, передаваемые сходными по

¹ См. «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», 1952, вып. 5.

² А. С. Ч и к о б а в а, Учение И. В. Сталина о языке как общественном явлении, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», изд. МГУ, М., 1952, стр. 68.

звуковому оформлению словами, могли бы обозначаться разными звуковыми комплексами. Однако в каждом языке мы встречаемся с наличием большого количества омонимов различных типов.

Кроме того, признав знаковый характер фонемы, т. Шаумян тем самым выдвигает проблему знака для знака. Знаковая природа слова была продемонстрирована в статьях проф. Е. М. Галкиной-Федорук³. Если слово действительно является знаком, то фонема, как знак знака, уводит нас в сторону от реальности обозначаемого.

Не отрицая того, что обсуждаемая проблема остается спорной в некоторых вопросах, мы высказываемся против положения о знаковой природе фонемы и хотим еще раз подчеркнуть материальный характер фонемы, ее языковую природу, в противоположность выхолощенному пониманию фонемы хотя бы у Соссюра⁴.

Если идти вслед за т. Шаумяном, то можно придти к выводу о необязательности изучения звуков речи, составляющих слова. Если ставить вопрос лишь о функциональной членности речи или о смысловом членении ее, то далее проблемы целого слова, а может быть, синтагмы, нечего и идти. Неправильный тезис приводит к ложным выводам.

* * *

Gottfried Kircher (Halle) в «Критических замечаниях на статью С. К. Шаумяна» затрагивает основные положения, о которых говорилось в дискуссии (соотношение фонетики и фонологии, вопрос о звуковом типе, «смешанных» фонемах), и в заключение предостерегает против внесения в фонологию «грамматических мыслей и критериев»:

1. Проблема фонемы не может быть разрешена без предварительного выяснения соотношения фонетики и фонологии. Соотношение же это до некоторой степени спорно; несмотря на эту спорность и вопреки предупреждению С. К. Шаумяна, следует подойти к решению данной проблемы, исходя из «здорового смысла».

Задачи фонетики и фонологии, если хотят сохранить их строгое разграничение, могут быть определены следующим образом: фонетика и фонология имеют объектом своего исследования звуковую (материальную) оболочку языка. Фонетика изучает звуковые возможности (lautliche Möglichkeiten), находящиеся в распоряжении человека: 1) органы речи, 2) звуки, которые могут быть произнесены, 3) возможное взаимодействие между звуками в потоке речи.

Фонология же изучает использование этих возможностей: а) в определенном языке в определенную эпоху, б) в различные периоды истории одного и того же языка, поскольку фонема является исторической категорией; так, например, в русском языке две индоевропейские фонемы [ū], [ī] стали вариантами одной фонемы; напротив, в немецком языке получившиеся в результате перегласовок гласные из вариантов развились в самостоятельные фонемы; в) в ряде языков в одну и ту же эпоху или в течение нескольких эпох, при чем фонология сравнивает, какие варианты в различных языках образуют единую фонему: так, например, в русском языке звуки [e] в *это* и *эти* являются вариантами одной и той же фонемы, тогда как в немецком звуки [e] — в *geben* и *gäben* являются двумя разными фонемами.

Однако фонология всегда основывается на фонетике. Фонологическим изменениям всегда должны предшествовать фонетические изменения.

2. Определение фонемы как звукового типа, против которого ополчился Шаумян, по моему мнению, не ошибочно в своей основе, а только недоста-

³ Е. М. Галкина-Федорук, Знаковость в языке с точки зрения марксистского языкознания, «Иностранные языки в школе», 1952, № 2; е е же, Слово и понятие, «Вестник МГУ», 1951 № 9.

⁴ Ф. де-Соссюр, Курс общей лингвистики, Соцэкгиз, 1933.

точно. Необходимо, впрочем, рассматривать звуковой тип как относительную величину; что в одном языке относится к одному звуковому типу, то в другом языке может относиться к двум различным звуковым типам. Я предпочел бы обозначать вариант как звуковой тип, иными словами — понимать под звуковым типом типический звук (einen typischen Laut), абстракцию, например, всех звуков [e], которые встречаются в русском языке в определенной позиции. Тогда можно было бы обозначать вариант как звуковой тип первой степени, а фонему — как звуковой тип второй степени.

Шаумян полагает, что определение фонемы Щербой — Джонзом является основанием для рассмотрения русских [y], [i], как двух самостоятельных фонем; основание для этого, однако, значительно более существенное. Всякий фонетист (это опять раскрывает тесное переплетение фонетики и фонологии) является до известной степени фонологом, потому что даже установление известной системы гласных или согласных возможно лишь с точки зрения фонологии (быть может, и неосознанной). Иначе никто не мог бы выделить из бесконечного разнообразия произносимых звуков «гласные» и «согласные». Но часто отсутствует единство критериев; звуки [e] в *это* и *эти* рассматриваются как одна фонема, потому что их расхождения объясняются только характером согласного. Так как [y], [i] развились из различных гласных [ū] [ī], к тому же *i* еще в доисторическую эпоху смягчило предшествующий согласный, они рассматриваются как два гласных. Решению проблемы помогает, однако, понимание того, что и взаимодействие звуков в слове или предложении претерпевает коренные изменения.

В древнеславянском гласные по преимуществу влияли на согласные, гласные переднего ряда смягчали (палатализовали) особенно предшествующие согласные. Смягченные согласные развивались затем до известной степени независимо от влияния гласных (иногда вопреки этому влиянию). Так, например, в третьем лице настоящего времени в русском языке произошло отвердение конечного согласного [t]. Так и [š], [ž], [c] стали твердыми и оказали влияние на последующие гласные. В ходе этого развития гласные [y], [i], которые уже раньше сильно сблизились (по сравнению с отношением [ū], [ī]), превратились в варианты: после [š], [ž], [c] — [i] перешло в [y]; по аналогии с родительным падежом имен существительных женского рода основ на [y] с твердым согласным, имевшими окончание [ɛ], и родительный падеж основ с мягким согласным получил вместо [ɛ] окончание [i] и т. д., так что и в склонении [y], [i] соответствуют друг другу, так же как и варианты гласных [a], [o], [u], звуки [y] [i] в современном русском языке не только коррелируют друг с другом, но они по сравнению с другими русскими гласными «несовершенны»: четырем вариантам [a] в *мат*, *мать*, *мят*, *мать* противостоят только два варианта [y], [i]: *быт*, *быть*, *бит*, *бить*; взятые вместе, они полностью соответствуют системе русских гласных; в качестве доказательства могут служить примеры *Иваныч — Ильич*, *жены — земли*, поскольку здесь суффиксы варьируются лишь под влиянием предшествующего согласного. Отношение гласный — согласный (кто на кого влияет?) по сравнению с древнеславянским изменилось коренным образом. Все согласные (исключая [ž], [š], [c], [č], [šč], [j], выступают (независимо от их окружения) как мягкие и твердые: *дан — дань*, *лежат — лежать* и т. д. Во всей звуковой системе современного русского языка независимость согласных от гласных так же очевидна, как и зависимость гласных от согласных: существуют мягкие и твердые (палатализованные и непалатализованные) согласные фонемы, но только варианты гласных (зависящие от согласных) *мать — мять*, *быт — быть*. На этом основании было бы непоследовательно утверждать, что в *бить* и в настоящее время гласный влияет на согласный (это ведь является одним из основных доказательств в пользу рассмотрения [y], [i] как двух фонем). Последнее утверждение основ-

вается на ложном понимании историзма: как было раньше, так должно быть и сейчас.

3. Основной ошибкой Трубецкого является, по моему мнению, отношение языковых образований (Sprachgebilde) вслед за Соссюром только в области сознания. Звуки речи являются абстрактными ценностями; это, однако, отнюдь не означает, что они существуют только в сознании, потому что они могут быть определены и артикуляторно-акустически, подобно тому, как не существует стола вообще, хотя он должен быть выведен из разнообразия конкретных столов.

Локализация языковых образований только в сознании привела Трубецкого к его «нейтрализации» известных противопоставлений. Если мы, однако, следуем высшему закону марксизма и выводим не практику из теории, а теорию из практики, то мы можем установить, что комбинаторные изменения не всегда останавливаются на границе фонемы, что основа слова в склонении может оканчиваться на три разные фонемы: [noga], [nog'e], [nok].

В своем положении о «смешанной» фонеме Шаумян фактически продолжает теорию «нейтрализации». При последовательном развитии этого положения возникает, однако, опасность, что мы всякое фонематическое (ведущее к превращению одной фонемы в другую) комбинаторное изменение станем рассматривать, как ведущее, в конце концов, к «смешанной» фонеме; более того, в этом случае мы стали бы утверждать наличие «смешанной» фонемы там, где в действительности имеется лишь фонема и ее отпадение: например, во французском *il vient* «он приходит» и *vient-il?* «придет ли он?» слово *vient* в одном случае оканчивается на носовой гласный, в другом случае на носовой гласный +t. Здесь мы имели бы, следовательно, «смешанную» фонему t/O. Так как, однако, во французском языке многие согласные отпадают в конце слова, то оказалось бы, что нуль принадлежит ко многим «смешанным» фонемам.

Звуковая оболочка языка это то, что человек говорит и слышит. Поэтому предмет фонетики и фонологии ограничивается материальной стороной, мысли же не должны касаться фонетиста. Отсюда следует вывод, что никаких «смешанных» фонем не существует, что веларный в конце слова [kuk] является глухой фонемой, хотя этот звук и может превратиться в звонкую фонему при сочетании слов в предложении, хотя большинство падежных форм имени существительного *me* имеют звонкий веларный: в сочетании в пределах слова или предложения часто одна фонема переходит в другую, так что многие фонемы не выступают совсем в определенных позициях. Здесь не происходит никакой «нейтрализации» противопоставления, поскольку в данном случае противопоставление [g], [k] вообще отсутствует.

Заканчивая, мы хотели бы лишь повторить требование не вносить в звуковую сторону языка ничего такого, чего там нет: всякая попытка внести в фонетику и фонологию грамматические или иные мысли и критерии, лежащие вне звуков и их отношений, ведет к ошибкам.

* * *

И. А. Лукицкий также ставит вопрос о соотношении фонемы и фонологии, о том, что понимается под вариантами фонем, о звуковых типах и о «смешанных» фонемах, в связи с чем полемизирует не только с С. К. Шаумяном, но и А. И. Смирницким, мнение которого цитируем в своем месте.

Статья С. К. Шаумяна «Проблема фонемы» по спорности высказанных автором положений, по нечеткости формулировок этих положений и многословности, запутывающей основную мысль, вызывает необходимость критически рассмотреть этот материал в соответствии с доводом редакции журнала, не пожелавшей согласиться с мнением автора статьи.

Основой статьи являются проблема фонемы и отстаивание тезиса о фонологии как самостоятельной науке, у которой наука фонетика находится в соподчиненном состоянии, хотя автор пишет, что: «фонология возникла в результате коренного перелома в развитии фонетики — науки о звуках языка» (стр. 325).

Иначе говоря, фонология, возникнув из фонетики, якобы подчинила себе фонетику, из которой вышла сама. Автор считает выделение фонологии из фонетики равным по своему значению перевороту в других науках, в частности в классической физике. Допустим, — но при этом надо помнить, что выделение самостоятельных отделов в физике не повело к изменению названия самой науки.

С. К. Шаумян, считая, что выделение фонологии в самостоятельную науку явится панацеей от всех недостатков, присущих фонетике, обвиняет ее в том, что она не изучает смысловозначительной роли фонемы. Но это справедливо в отношении буржуазной фонетики и дощербовского периода в отечественной фонетике. Предлагаемая разграничить две науки, автор, сам того не замечая, дает крен в сторону от диалектического изучения звука речи. Если же понимать защиту положения о необходимости называть фонологией ту же науку фонетику, но на этапе, когда она признала и приняла социальный аспект фонемы, как одну из сущностей своего предмета, то получается, что постановка вопроса о двух науках лишь терминологический вопрос.

Что следует относить к вариантам звуков речи? Видоизменение одного из элементов, составляющих артикуляционный уклад фонемы, не ведущее к нарушению смысловозначительной функции ее, а придающее фонеме новый оттенок в зависимости от ее положения в соседстве с другими звуками — есть ее вариант. Так вариантами русской фонемы [e] явится ее произношение в словах: *шест, шесть, этот, эти*.

Оттенок звука речи не является чем-то раз навсегда данным, а, как и сама фонема, может подвергаться изменениям. Например, «светлый» и «темный» оттенки английского [l], четко различаемые в английском произношении, ассимилировались на американской почве, где «светлый» оттенок утрачивается и фонема начинает произноситься однотипно в ее «темном» варианте.

Часто приводимый пример об оглушении конечных согласных, и выводы, которые делают защитники различных теорий о сущности фонемы в связи с этим, заслуживают, чтобы на них остановиться, тем более, что и С. К. Шаумян, трактуя это явление русского произношения, считает нужным ввести новое понятие «смешанная фонема».

Действительно, в словах: *рог и рок, луг и лук, лаг и лак* и т. п. мы имеем оглушение конечных фонем [г] до степени глухой фонемы [к]. Автор статьи считает, что здесь мы имеем случай, когда в фонеме [к] «совпали оба члена данного фонологического противопоставления. Это [к] только фонетически сходно с фонемой [к]. Но как различительная единица оно не совпадает ни с фонемой [к], ни с фонемой [г]. Для фонем [к] и [г] глухость и звонкость — дифференциальные признаки, а для [к], стоящего в конце слова, глухость не есть дифференциальный признак, раз в данном положении невозможно противопоставление [к] — [г]» (стр. 338). Далее делается вывод: «С точки зрения различительной функции звук, стоящий в конце слова, следует признать смешанной фонемой [к/г], потому что он объединяет в себе фонемы [к] и [г]» (там же).

Под «смешанными» фонемами автор понимает и [ə], в чем он усматривает не только функциональное, но и физическое смешение. Под последним понятием он имеет в виду то обстоятельство, что [ə] не может быть соотносена ни с одной из фонем, из которых она образуется, т. е. [o] и [a].

Обнаружив в оглушении конечного [г] «новую» фонему [к/г], автор указывает, что звуки [к] и [г] являются не чем иным, как вариантами этой «смешанной» фонемы.

Понятие «смешанная фонема» является новым терминологическим вариантом для явления, которое некоторыми лингвистами расценивается как архифонема. А. И. Смирницкий в 1948 г. писал по поводу однотипного случая: «...В русском слове *ведь* конечный звук [t'] не может рассматриваться как представитель фонемы [t'], поскольку одним из существенных признаков последней является глухость, противопоставленная звонкости; в конечном же положении глухость согласного в русском языке не противопоставляется звонкости, почему один из существенных признаков фонемы [t'], отличающий ее от [d'], оказывается здесь отсутствующим: фактическая глухость конечного согласного в *ведь* [v'et'] является позиционно обусловленным качеством этого звука как такового, как реально произносимого звука, а не признаком фонемы... Следовательно, конечный согласный слова *ведь*, как бы он ни звучал, — как [t'] или как [d'] — не является ни фонемой [t'], ни фонемой [d'], ни, разумеется, какой-либо еще фонемой из числа всех прочих... этот согласный выступает именно как непосредственный представитель названного типа согласных, типа более общего, чем фонемы [t'] и [d'], которые по отношению к этому типу являются лишь его разновидностями. В данном случае этот тип является так называемой «гиперфонемой» или «архифонемой»⁶.

Поскольку такая трактовка конечных оглушенных звонких согласных имеет свою давность и своих последователей, то позволим себе высказать нашу, иную точку зрения. В словах *рог*, *луг* при буквенном написании сохраняется буква *г* для различения этих слов от *рок*, *лук*. В то же время при произношении этих слов появляется фонема [к], несмотря на чередование *рога*, *луга*. Следовательно, если зрительно воспринимать буквенное изображение слова *рог* [рок], то получается, что буква *г* произносится как фонема [к], т. е. буква не соответствует произносимому. В фонемном же составе русского языка имеется всего одна фонема [к], одна — физически, физиологически и как различитель значений. Или, выступает ли фонема [к] как различитель значений в словах *рог* [рок] и *рок* [рок]? В обоих случаях произносится одна и та же фонема [к]! Смыслоразличительная функция исчезла? Мы считаем, что при оглушении конечной звонкой согласной в словах типа *рог*, *луг* вместо звонкой фонемы произносится однотипная глухая, смыслоразличительная функция которой реализуется в контексте. Отсюда мы делаем и общий вывод, что смыслоразличительная функция фонемы реализуется не только в парном противопоставлении, но и в контексте.

В связи с рассматриваемой статьей, коснемся определения фонемы, данного С. К. Шаумяном.

С. К. Шаумян считает в определении фонемы Л. В. Щербой недоразумением его понятие «звуковой тип» и пишет по этому поводу следующее: «Приравнивание фонемы к звуковому типу основано на недоразумении. Как мы показали выше, понятие фонемы возникло именно в результате ломки эмпирического понятия звуковой единицы как звукового типа... Щерба и Джоунз, приравнивая фонему к звуковому типу, передевают старое эмпирическое понятие звука речи в новый термин».

Нам представляется, что понятие о звуковом типе отражает реальные факты языка, поскольку в данном языке из разнообразных вариантов данной фонемы, связанных с индивидуальными или диалектальными особенностями произношения, складывается в общественном сознании данного говорящего коллектива представление, что человек произносит звук речи данного языка, а не иностранного. Если произнести не типовой, не обычный, скажем, для русского уха звук [æ] в слове *кадка*, то это вызовет или недоумение или непонимание. Произнесенный же типовой звук [а] все поставит на свое место. Термин «кратчайшее звуковое образование», имеющийся

⁶ А. И. Смирницкий, Фonetическая транскрипция и звуковые типы, Вестн. Моск. ун-та, 1948, № 7, стр. 23—24.

в определении С. К. Шаумяна, не отражает именно типичности, общности фонемы для всех говорящих на данном языке и потому не совсем удачен. Мы бы предложили, не формулируя всего понятия о фонеме, считать, что фонема это не «звуковой тип», а «типовой звук речи».

* * *

Т. А. Бертагаев анализирует различные функции звуков речи и призывает к тому, чтобы изучать не сами по себе функции, а именно реальные звуки, являющиеся носителями функций:

То, что дискуссия о фонеме, поднятая на страницах «Известий Академии наук», приняла широкие размеры, говорит о большом интересе лингвистов к этому немаловажному вопросу языкознания. Не говоря о том значении, какое имеет исследование звуков для других разделов языкознания: (лексикологии и грамматики), оно имеет огромное практическое значение в вопросах преподавания, правильного произношения, в частности, звуков русского языка в национальных школах Советского Союза.

Исследование звуков речи, главным образом со стороны функциональной, к чему призывает С. К. Шаумян в своей статье «Проблема фонемы», заявляя, что «функциональная точка зрения единственно законная в фонологии» (стр. 339), отводит нас в сторону от анализа звуков национальных языков во всех их конкретных, самобытных проявлениях и приводит к отрыву теории звуков речи от практических задач их изучения. Что же значит объявить функциональную точку зрения единственно законной в фонологии? Это значит изучать звуки главным образом со стороны их смысло-различительной функции и тех признаков, которые связаны с последней, и толковать фонемы не как реальные звуки, обладающие функцией, а лишь как функцию звуков. Тем более, что, по С. К. Шаумяну, социальными или языковыми, следовательно, заслуживающими внимания лингвиста, являются только фонемы, а звуки речи — нефонемы, как чисто физические объекты, должны быть привлечены к изучению лишь только в качестве вспомогательного материала.

Мне представляется, что такому «единственно законному» функциональному изучению звуков речи должно быть присвоено особое наименование «фонологии звуков», а не фонологии⁶, последняя тут не при чем.

Фонологическое же изучение должно быть основано на единстве физиолого-акустической и функциональной сторон звуков.

Но С. К. Шаумян не оригинален по вопросу отнесения нефонемных звуков к чисто физическим явлениям. В этом случае он следует традициям, установившимся после выхода в свет трудов основоположников фонологии, в частности Л. В. Щербы, который, приводя примеры позиционного чередования звуков, пишет, что «разные оттенки наших звуков сами по себе никогда не могут дифференцировать слов или их форм, являясь лишь функцией каких-то других факторов, в первом случае — твердости или мягкости последующего согласного, в последнем — ударенности или неударенности самого гласного»⁷. Таким образом, Л. В. Щерба оставляет за нефонемами одну материальную функцию — перцептивную (по терминологии А. А. Реформатского⁸).

⁶ Очевидно, фонология С. К. Шаумяну представляется в своем роде «грамматикой» звуков, то есть системой взаимосвязи звуков, рассматривающей последние без отношения к их конкретности. В таком случае нужно изучать не фонемы, а лишь правила их взаимоотношений. Но есть ли в этом надобность? Даже если бы это понадобилось, звуки речи вначале нужно изучать как конкретные, предметные языковые явления.

⁷ Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, М., 1948, стр. 18. — Но Л. В. Щерба, в отличие от С. К. Шаумяна, никогда не приравнивал фонему к ее функции.

⁸ А. А. Реформатский, Введение в языковедение, Учпедгиз, 1947, стр. 11.

Все звуки речи, за исключением отдельных отклонений, связанных с индивидуальным произношением, социальны, служат целям коммуникации, т. е. функциональны. И напрасно думает С. К. Шаумян, что функциональность является привилегией одних фонем — она присуща всему звуковому составу языка. Другое дело, каким звукам какая функция присуща. Ибо звук речи, как и всякое окружающее нас явление, многогранен и многосторонен, и имеет не одну функцию, а ряд функций.

Социальность звуков речи, если они общественно нормированы, — их самая общая, можно сказать, универсальная функция. Так, например, разные оттенки звука [э] в словах *пел*, *пели* так же социальны, т. е. служат целям общения, как и сама фонема [э], являющаяся сущностью или ядром этих звуков. И им нельзя отказать в том, что они представляют собой элементы человеческой речи, как и сама фонема. Они не просто природные, физические звуки, а речевые звуки. Следовательно, они не могут быть не социальными.

Но мысль или понятие реализуется в виде слов, которые строятся из звуков речи (иногда из одного звука, об этом ниже). Следовательно, последние обладают еще конститутивной функцией, т. е. словореализующей, словоосуществляющей или словостроящей функцией. Иными словами, звуки речи имеют непосредственное отношение к словам, к их структуре и находятся в органическом единстве с последними. И не случайно И. В. Сталин⁹ выражения «звуковой язык» и «язык слов» ставит в один соотносительный ряд, рассматривая слова «звуковой» и «слов» как слова, обозначающие два тесно связанных явления языка как средства общения. «Звуковой язык или язык слов, — говорит он, — был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей».¹⁰

Конститутивная или словореализующая функция звуков речи является более определенной, чем первая, но тоже общей функцией, потому что ими обладают фонемы и нефонемы. Так, в слове *дъмавој* (*домовой*) все звуки одинаково принимают участие в реализации или осуществлении слова. Достаточно лишить это слово гласной [ъ] или даже [й], чтобы оно перестало существовать, т. е. быть реальным словом. А между тем употребление разных вариантов той же гласной [ъ] (напр., близкой к [о] или близкой к [а]) не будет угрожать реальному существованию этого слова. Следовательно, эти звуки не обладают словореализующей функцией.

Известно, что имеется в звуках речи и смыслоразличительная функция, которая присуща не всему звуковому составу языка, а только некоторым звукам, называемым фонемами. Эта функция, как видим, более определена и более специфична, чем первые две. Она является основной, важнейшей функцией звуков речи, ибо только в этой функции максимально проявляется в звуке речи свойство его как элемента средства общения или языка.

Кроме того, различают еще словообразовательную функцию, которая рассматривается у многих наравне со смыслоразличительной¹¹.

Словообразовательная функция звука — это качественно иная функция, чем смыслоразличительная. Поэтому ее нельзя ставить в один ряд с первой. Основное различие их друг от друга заключается в том, что если при словообразовательной функции фонема выполняет роль морфемы и образует производное слово с новым значением из корня того же слова, то при смыслоразличительной функции фонема остается в своем прежнем качестве звука речи и, не образуя производных слов, может менять и ушиблять смысл слова, т. е. способствовать различению смысла слова безотносительно к его грамматической организации.

⁹ См. И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, 1952.

¹⁰ Там же, стр. 46.

¹¹ Это имеет место в исследованиях Л. В. Щербы и др.

Обладая словообразовательной функцией, фонема может сама являться словом — например, в русском языке фонема [а] является союзом и вопросительной частицей, [к] предлогом и т. д.¹²

Если же звуковой состав речи в целом является принадлежностью языка как общественного явления, то он подвержен тем же объективным законам, которые вытекают из специфики языка как средства общения, как особого общественного явления. Так, например, закон устойчивости или общенародности языковых элементов, примененный И. В. Сталиным в отношении лексики и грамматического строя языка, связан со спецификой языка как средства общения. Ибо при отсутствии устойчивости, общенародности языковых элементов была бы невозможна преемственность языка при сменах одного поколения носителя языка другим и язык утратил бы свое основное качество — быть средством общения. Поэтому, например, из словарного состава языка выделяется группа слов, устойчивых и общенародных, составляющая так называемый основной словарный фонд.

А поскольку звуковой состав является языковым, то из него тоже выделяется устойчивая, четко определявшаяся в качественном отношении¹³ и потому общенародно осознанная группа звуков, выполняющая смысло-различительную функцию в языке, в противоположность нефонемным звукам, которые не совсем четко определились в качественном отношении и потому общенародно в полной мере не осознаны.

Фонема есть типическое выражение звука человеческой речи. В ней наиболее четко представлена сущность специфики данного сходственного ряда звуков как в отношении их физико-акустических, так и функциональных свойств. По существу здесь имеется отбор сходственных черт данного ряда звуков и обобщение их в связи с их наивысшим, самым характерным для звуков речи смысло-различительным функциональным проявлением. Фонема, как явление наиболее характерное и типичное для данного ряда звуков, в то же время глубоко индивидуальна, обладает определенной качественной особенностью в ряду других фонемных звуков.

Но эти типические звуки возникают не сами по себе, не автоматически; появляются они в результате тысячелетней практики употребления носителями языка определенного звука речи в смысло-различительной функции, наиболее тесно связанной с коммуникативной функцией языка, путем постепенного утверждения устойчивого качества этих звуков.

Фонема не выдумка ученых и не создается ими в процессе исследовательской практики, как получается у С. К. Шаумяна, а реальные звуки речи, принадлежащие объективному миру и поэтому развивающиеся по объективным законам языка, а не подчиненные субъективным намерениям ученых.

* * *

М. В. П а н о в в заметке «О значении морфологического критерия для фонологии» разбирает взгляды защитников и противников обязательной связи фонетики и морфологии и сам защищает тезис о необходимости рассмотрения фонем в составе морфем:

Нужен ли морфологический критерий при исследовании фонемной системы языка? Разные фонетисты на это отвечают по-разному. По мнению одних, такой критерий не нужен. По мнению других — он необходим.

«Нет оснований связывать функционирование фонем с морфемами», — пишет А. Н. Гвоздев¹⁴. В. И. Лыткин противопоставляет фонематическую

¹² Но чаще фонема функционирует в роли морфемы в процессе закономерного чередования одной фонемы с другой или в сочетании фонем.

¹³ Термин «качественный» употребляется в статье в общем значении, философском, а не в узколингвистическом.

¹⁴ А. Н. Гвоздев, К вопросу о системе фонем современного русского литературного языка. В кн.: «О фонологических средствах русского языка», 1949, М.—Л., стр. 11 (ср. стр. 58, 59).

и «морфематическую» транскрипцию¹⁵, считая, что фонематическая транскрипция должна быть свободна от всякой оглядки на морфемный состав слова. По мнению А. И. Смирницкого, «...если слово *медь* транскрибируется как [m'et'], то в транскрипцию вносится момент фонетического эмпиризма; но если это слово транскрибируется как [m'ed'], то транскрипция осложняется морфологическими соображениями (сопоставлением с *меди*, *медью*, производимым, в сущности, в плане морфологического, а не фонетического анализа)¹⁶. Такое вторжение морфологии в область фонетики кажется проф. Смирницкому незаконным. Против морфемного критерия высказывается Л. Р. Зиндер¹⁷. Отказывается от морфологического критерия в фонологии (называя его «генетическим») и С. К. Шаумян (стр. 339).

Другие исследователи (Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, А. А. Реформатский, П. С. Кузнецов) считают строго необходимым при фонологическом анализе учитывать морфологические связи слов¹⁸.

Все противники морфологического критерия в фонологии определяют фонему как «звуковой тип». «Совокупность всех разновидностей одной группы звучаний составляет фонему», — пишет В. И. Лыткин. «Критерием объединения звучаний в одну группу является их ...артикуляционно-акустической признак...», — продолжает он же¹⁹. С В. И. Лыткиным согласны и Л. Р. Зиндер и А. Н. Гвоздев²⁰, и все их единомышленники в фонологических вопросах. Позиция этих исследователей вполне логична: если фонема — звуковой тип, то классификацию фонем надо строить на основании акустико-артикуляционных признаков, а морфология здесь не при чем.

Казалось бы, так. На самом же деле все гораздо сложнее. Возьмем простой пример. В русском языке противопоставлены звонкие и глухие согласные, например *л* и *б*. Но оказывается, что перед гласными взрывной согласный звук не может остаться глухим — он приобретает слабую озвонченность. В слове *тот* первый и последний согласные не тождественны по звонкости.

В русском языке существует не две, а три основные градации согласных по признаку звонкости — глухости. Первая ступень: полная глухота, полное отсутствие звонкости у согласных. Такое абсолютное оглушение встречаем у согласных звуков в конце слова, перед другими согласными (не звонкими!), перед сонорными, перед оглушенными гласными: [л⁰о́лн], [т⁰р⁰о́пк⁰ь], [к⁰р'э́пк⁰ь]. Вторая ступень: слабая озвонченность. Это озвонченность глухих согласных перед гласными. В этом положении у взрывных глухих согласных момент взрыва совпадает с началом вибраций голосовых связок, т. е. с началом гласного²¹. У проточных глухих согласных, стоящих перед гласными, начало может быть совершенно глухим, но исход артикуляции всегда сопровождается слабым

¹⁵ В. И. Лыткин, Фонема и научная транскрипция звуков, «Русский язык в школе», 1946, № 3-4, стр. 11.

¹⁶ А. И. Смирницкий, указ. соч., стр. 25.

¹⁷ Л. Р. Зиндер, Существуют ли звуки речи, «Изв. АН СССР, Отд. литературы и языка», 1948, № 4, стр. 302.

¹⁸ См. Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, Очерк грамматики русского литературного языка, 1945, стр. 44; А. А. Реформатский, Введение в языковедение, 1947, стр. 88.

¹⁹ В. И. Лыткин, указ. статья, стр. 7-8.

²⁰ См. Л. Р. Зиндер, Критические заметки по поводу некоторых фонетических работ, «Изв. АН, СССР, Отд. литературы и языка», 1949, № 1, стр. 81-82; А. Н. Гвоздев, указ. соч., стр. 5.

²¹ «Нет возможности отделить друг от друга момент рекурсии согласного и произношения последующего гласного уже потому, что, как известно, гласный звук совпадает по времени с рекурсией предшествующего согласного» (Б. П. Киртерман, К вопросу о длительности звуков в русском языке, ИОРЯС, 1905, № 4, стр. 94).

Это частный случай общей «тенденции начать рекурсию второго звука раньше рекурсии первого» (Н. В. Крушевский, Антропофоника, РФВ, 1894, № 1-2, стр. 74).

озвончением; и здесь сквозь глухой согласный просвечивает начало гласного. Наконец, третья ступень «звонкости — глухости» согласных — это полная звонкость, которой обладают звонкие согласные не в конце слова и не перед глухими.

Между этими тремя основными ступенями есть еще множество переходных. В безударных слогах звонкие согласные могут умерять свою звонкость. В конце концов, если мы произнесем с силой и напряжением всех речевых органов слово *помпа* и, наоборот, вяло и ненапряженно слово *бомба*, то звучание [п] и [б] во втором слоге сближается до предела.

Следовательно, от б до п в языке оказывается непрерывная шкала звуков: б¹ [ба!], б² [бак], б³ [бык], б⁴ [бабл], б⁵ [рѣбл], б⁶ [рѣбѣм], б⁷ [рѣбѣк], п⁸ [па!], п⁷ [пар], п⁶ [пыл], п⁵ [пáлл], п⁴ [пáльм], п³ [шáльк], п² [шáльк], п¹ [лол]. Новое качество появляется не внезапно, не разом, а постепенно накапливается; между двумя полюсами встречается множество переходных случаев.

Было бы ясно, где появляется новое качество согласного, если бы оно возникло в форме внезапного скачка, взрыва, разорвав постепенную непрерывность звуковой цепи [б¹ — п¹]. Но «скачок» здесь протекает в непрерывном ряду форм, и поэтому его нельзя указать пальцем: вот он! Такие «замедленные скачки», как известно, не редкость в языке. Они целиком характеризуют диахронию языка, а диахрония накладывает отпечаток и на синхронию.

Легко сказать: «Комбинаторные варианты данной фонемы не выходят за ее пределы»²². Но как определить эти акустические пределы? Где проходит граница: между [б⁵] и [б⁶] между [п¹] и [п⁶]? С акустической точки зрения это равновозможно, так как эти границы равновелики.

Итак: даны два акустических типа: [п] и [б]. Требуется (не прибегая к морфологическому критерию) распределить между этими двумя типами все встречающиеся в нашем языке варианты [п—б]. У этой задачи оказывается бесчисленное количество решений, т. е. ни одного.

«Фонетический диапазон вариантов одной фонемы может быть очень широким, но он все же имеет определенные границы, — рассуждает Л. Р. Зиндер. — Этот диапазон лимитируется акустико-артикуляционными свойствами вариантов всех прочих фонем данного языка»²³. Значит так: диапазон фонемы [п] определяется диапазоном фонемы [б]. А диапазон фонемы [б] определяется, конечно, диапазоном фонемы [п]. Все это неутешительно.

Вопрос полностью выясняется, если мы вспомним о морфологическом критерии. В слове *шапок* звук [п³] мы отнесем к фонеме [п], так как в той же морфеме в независимом положении встречаем звук [п⁴], «чистое» [п] (ср. *шапник*, *шапный* и пр.). В словах *от улицы*, *от огня* звук [т] слабо озвончен, занимает среднее положение между [т] и [д]. И мы относим этот звук к акустическому типу [т] только потому, что эта же морфема (в данном случае совпадающая со словом) *от*, будучи поставлена в иное фонетическое окружение (*от рыбы*, *от мыса*), позволяет определить, что данная согласная фонема в независимом положении превращается в [т].

Факты показывают, что, даже признав правильным определение: «фонема — звуковой тип», мы все равно не можем произвести фонемного анализа без помощи морфологии.

Особенно много затруднений доставляет врагам морфологического критерия в фонологии редуцированный гласный [ъ] (среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный). У этого звука [ъ] столько же прав объединиться в один акустический тип с [а], сколько с [ы]. В. И. Лыткин провоз-

²² Л. Р. Зиндер, Вопросы фонетики, 1949, стр. 25.

²³ Л. Р. Зиндер, Существуют ли звуки речи, стр. 300.

глашает единство этого звука с [ы], а транскрибирует как когда: то [вóл'на] и [плáвна], то [вил'ич'áвыйы]²⁴. Л. В. Щерба приравнивает этот звук к а: (ср. фпадлуннам мире) и пр.²⁵ Так же делает и Л. Р. Зиндер [по полю, аб этам] и другие ученики акад. Щербы. Транскрибируя так, забывают одно очень ценное наблюдение, сделанное знаменитым русским фонетистом: «...В русском языке... заударные слоги являются и психически слабыми слогами, не способными к прояснению (за исключением слогов, имеющих морфологически-синтаксическое значение); все предупредные слоги способны к двоякому произношению — слабому и сильному, расчлененному»²⁶ Следовательно, есть слоги, где редуцированные неспособны к расчлененному, сильному произношению, к прояснению. Это наблюдение сделано Л. В. Щербой.

Выходит, что [ъ] — это [ъ]; не годится приравнивать его ни к [а], ни к [ы]: это особый акустический тип. Но особой фонемой его нельзя объявить: этот звук никогда не встречается в сильной позиции, в независимом положении, никогда сам по себе не служит смысловоразличению (фонематически не противопоставлен другим гласным). Итак, мы попытались стать на ту точку зрения, что фонема — звуковой тип — и только. Оказалось, что даже с этой точки зрения для фонемного анализа необходима помощь морфологии. Есть множество «срединных» звуков, которые легко отнести и к тому и к другому акустическому типу. Акустические типы вообще не отделены перегородками.

Морфологический критерий вводится для того, чтобы быть уверенным, что изучаются именно позиционные изменения того же звука: звук тот же (в принципе!), так как та же морфема; поэтому все его изменения даны не смысловыми, не смысловоразличительными функциями звука, а только позиционными. Морфема — та же; значит, нет влияния семантических разграничений; значит — все изменения звуков имеют чисто фонетический характер. Морфологический критерий в фонологии — это не измена фонетике, а преданнейшая служба ей.

Морфологический критерий — и только он! — позволяет установить позиционные изменения звуков, отделить их от фонемных чередований и, в конце концов, определить «диапазон» каждой фонемы.

Припомним, как был использован морфологический критерий при решении вопроса о фонемном характере «срединных» звуков. Мы искали такого положения данного звука (в составе данной же морфемы, но в разных словах), чтобы он стал в независимую, сильную позицию. Тогда только выяснялась и фонемная природа данного звука. То есть, иначе говоря, мы принуждены были, определяя фонемный характер данного звука, возводить его к основному варианту. Без этого нельзя выяснить, какая это фонема, да же если определять ее как акустический тип: неясен акустический диапазон фонемы. Но если мы самими фактами языка вынуждены были таким способом, при помощи морфологии, определять фонемы, то, очевидно, этот морфологический метод должен быть выдержан последовательно. Фонемный характер данного звука определяется приведением его к той форме, которую дает независимая, сильная позиция.

Все фонологи применяют морфологический критерий. Только одни явно, другие исподволь, одни последовательно, другие нет, одни сознательно, другие вопреки своим теоретическим высказываниям.

²⁴ В. И. Лыткин, указ. соч., стр. 11.

²⁵ Л. В. Щерба, указ. соч., стр. 23.

²⁶ Л. В. Щерба, Опыт лингвистического толкования стихотворений, «Русская речь», 1923, стр. 41—42; ср.: «Когда неударяемое о следует за ударяемым слогом слова, то уподобление его звуку а отнюдь не допускается» (А. И. Ельсин, РФВ, 1891, № 3, пед. отд., стр. 12; ср.: Р. И. Аванесов, Русское литературное произношение, 1950, стр. 33.)

Л. В. Щерба определял фонему как акустический тип и поэтому отвергал морфологический критерий в фонологии. Но практически он им широко пользовался. Он, например, пишет: «Во французском приходится различать две фонемы «се»: одна, которая никогда не выпадает и которую мы и будем обозначать через «се», и другая, которая в потоке речи может выпадать при известных условиях и которую, хотя она чисто фонетически и совпадает с первой, мы будем обозначать через «э». Возьмем два глагола: «*ресерле*» *reupler* и «*дсета:де*» *demander*; в начальных слогах у них произносятся совершенно одинаковые гласные, но стоит прибавить впереди предлог *а*, чтобы картина изменилась: в первом случае получится «*арсерле*», а во втором «*адша:де*», которое мы будем изображать «*ad(э)ша:де*». Таким образом, фонемой «э» называется такое «се», которое в известных условиях чередуется с нулем звука»²⁷. Следовательно, Л. В. Щерба признает, что 1) две фонемы могут совпадать в одном звуковом варианте; 2) различить фонемы можно лишь при сравнении разных лексических образований, включающих ту же морфему. Интересной особенностью описанных Л. В. Щербой фонем является то, что одна из них в сильной позиции реализуется нулем. Ничего принципиально невозможного здесь нет.

Как видно, без морфологического критерия в фонологии не обойтись. Вместо того чтобы использовать его тайком от себя, следует последовательно применять его при фонологическом исследовании. А в этом случае придется отказаться от определения фонемы как акустического типа.

²⁷ Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, 1948, стр. 101.